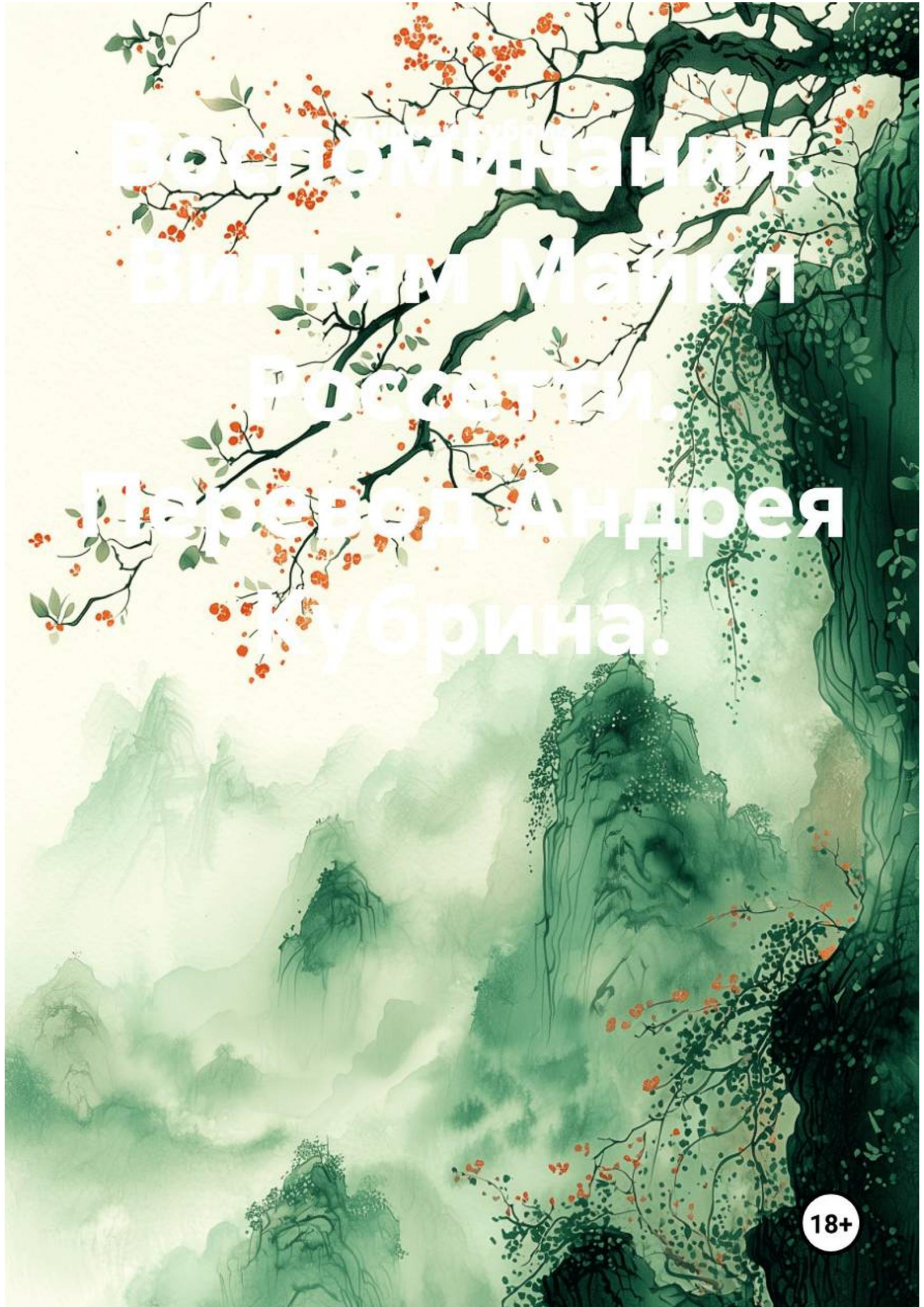

The background is a traditional Chinese ink wash painting. It depicts a misty, mountainous landscape. In the foreground, a large, dark, gnarled tree branch with small green leaves and clusters of bright red berries (possibly hawthorn or dogwood) extends from the top right towards the center. The mountains in the background are rendered with soft, layered ink washes in shades of green and grey, creating a sense of depth and atmosphere. The overall style is elegant and serene, typical of classical Chinese art.

Воспоминания.

Вильям Майкл

Россоати.

Перевод Андрея

Губрина.

18+

Андрей Кубрин

**Воспоминания. Вильям
Майкл Россетти. Перевод
Андрея Кубрина.**

«Автор»

2026

Кубрин А.

Воспоминания. Вильям Майкл Россетти. Перевод Андрея Кубрина.
/ А. Кубрин — «Автор», 2026

Перевод осуществляется с репринтного издания сайтаТекст находится в свободном доступе. Долгие годы интересуюсь темой прерафаэлитов вообще и творчеством Д.Г. Россетти в частности. Англоязычная литература по теме весьма обширна, однако, полных переводов большинства материалов на русский язык не существует. Воспоминания Вильяма Майкла Россетти, брата Данте Габриэля Россетти, являются неоценимым источником информации по истории семьи Россетти, братства прерафаэлитов и реалиям викторианской эпохи. Воспоминания были опубликованы в 1906 году и полностью на русский язык не переводились.

Содержание

Глава 1 РАННИЕ ГОДЫ.	6
РАННИЕ ГОДЫ.	8
Глава 2 Мои родители, сёстры и брат.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Андрей Кубрин
Воспоминания. Вильям Майкл
Россетти. Перевод Андрея Кубрина.

Глава 1 РАННИЕ ГОДЫ.

От переводчика.

На протяжении многих лет интересуюсь темой прерафаэлитов вообще и творчеством Д.Г. Россетти в частности. Англоязычная литература по теме весьма обширна, однако, переводов большинства материалов на русский язык не существует.

Воспоминания брата Данте Россетти Вильяма являются неоценимым источником информации по истории семьи Россетти и реалиям викторианской эпохи. Данный перевод не претендует на художественные достоинства, но, хочется надеяться, фактическую сторону передаёт без искажений. Сокращения текста имели место исключительно в случае повторов, например, опускалось резюме разделов и краткое содержание в начале глав. Транскрипция имён и названий общепринятая, наряду с переводом приводится и английский вариант. В случае отсутствия точной корреляции с английскими реалиями подбирались наиболее близкие аналоги. Машинный перевод не использовался.

СОДЕРЖАНИЕ.

- I Ранние годы.
- II Мои родители, брат и сёстры.
- III Школа.
- IV Жизнь семьи 1839 – 1844.
- V Налоговый департамент.
- VI Домашняя жизнь – Мой брат и я.
- VII Прерафаэлитское братство.
- VIII Пробы пера.
- IX. Последние годы жизни моего отца.
- X. Становление ума и характера.

Предисловие Майкла Россетти.

Немногого могу я сказать в качестве предисловия, но так как прошёл по жизни не нажив значимого количества врагов, то, надеюсь, что лишь немногим дал этой книгой повод для изжоги. Существуют два момента в реакции на мою работу, с которыми я не хотел бы столкнуться. Надеюсь, избежал обоих. Первое – обвинение в самовосхвалении. Второе упрек в скверном характере и несправедливых отзывах о людях, упоминаемых в книге. То, что в людях заслуживало похвалы, я хвалил. Осуждать недостатки я по праву мог лишь в небольшой степени или никак. Некоторые читатели могут высказать мнение, что, несмотря на моё личное знакомство с некоторыми известными личностями, я не сказал о них ничего особенно важного. Не буду опровергать данное мнение, но из этого не следует, что я не знаю больше, чем написал. В некоторых случаях я знаю намного больше, но опорочить репутацию или нарушить доверие человека не могу, это заставило бы меня относиться к самому себе с презрением. Некоторые моменты я помню неплохо, могу, например, назвать даты событий. Но плохо помню лица и не могу точно воспроизвести содержание происходивших бесед, даже собственно их предмет и, особенно, конкретные слова. Вследствие этого немногого могу сообщить о беседах даже с известными людьми и передать точно произнесённое. А выдумывать фразы, близкие по смыслу сказанному, не считаю возможным. В результате страницы моих воспоминаний редко оживляются реально сказанными словами, очень прискорбно, но в свете вышеизложенного, избежать этого мне не удалось.

Начав книгу в августе 1901-го, я практически закончил её в марте 1903-го. Однако с тех пор произошли некоторые события имеющие право появиться в моих воспоминаниях. Посвя-

тив им несколько страниц, я в целом постарался сохранить текст неизменным. Моя жизнь небогата событиями и приключениями и, возможно, не представляет интереса ни для кого, кроме меня самого и близких. Я не собираюсь подробно повествовать о моей жизни и почти не упоминаю события даже сильно повлиявшие на меня, но постараюсь привести здесь воспоминания о выдающихся личностях и знаменательных событиях. Необходимо отметить, что в некоторых опубликованных ранее работах уже присутствуют элементы моих личных воспоминаний, особенно касающиеся членов моей семьи. В данной книге я буду к ним возвращаться, но, по возможности, постараюсь избежать дословного воспроизведения.

Материалы, о которых идёт речь, включают следующие работы:

1. 1884. Notes on Works by Dante Gabriel Rossetti — Four articles in The Art Journal.
2. 1886. The Collected Works of Dante Gabriel Rossetti — Editorial matter. Amplified in the illustrated edition of his Poems, 1904.
3. 1888. The Portraits of Dante Gabriel Rossetti — Articles in The Magazine of Art.
4. 1889. Dante Gabriel Rossetti as Designer and Writer.
5. 1895 Dante Gabriel Rossetti : his Family Letters, with a Memoir by myself.
6. 1896. New Poems by Christina Rossetti — Editorial matter.
7. 1898. The Blessed Damozel, by Dante Gabriel Rossetti — Introduction.
8. 1898-1901. Prefatory Notes to The Poems of Dante Gabriel Rossetti — Siddal Edition.
9. 1899. Ruskin, Rossetti, Preraphaelitism — Editorial matter.
10. 1900. Preraphaelite Diaries and Letters— Edited and partly written by me.
11. 1900. Lenore, by Burger, translated by Dante Gabriel Rossetti — Editorial matter.
12. 1901. The Germ, Facsimile Reprint — Introduction by me.
13. 1901. Gabriele Rossetti, a Versified Autobiography — Translated and supplemented by me.
14. 1902-3. Bibliography of the works of Dante Gabriel Rossetti — Articles in The Bibliographer (New York), since republished and amplified as a pamphlet.

15. 1903 Dante Rossetti and Elizabeth Siddal — Article in The Burlington Magazine.

16. 1903. Rossetti Papers, 1862 to 1870.

17. 1904. The complete Poetical Works of Christina Rossetti, also a selection of them in the Golden Treasury series — Editorial matter.

Имеется также ряд меньших по объёму работ по той же теме, не включённых в данный список. Хочу отметить, что, даже не продолжая в данной книге моих воспоминаний, в предыдущих работах уже снабдил публику достаточной информацией о родственниках и знакомых, более интересной, чем сведения непосредственно обо мне.

В течение нескольких последних лет нарастает тенденция написания воспоминаний и автобиографий (по моему мнению, первым, кто способствовал её возрождению, был Сэр Генри Тейлор (Sir Henry Taylor) и, возможно, меня можно извинить за желание присоединиться к хорошей по числу членов и их качеству компании людей, не утаивающих события частной жизни. «Интервьюирование» - мания современной жизни и весьма вредная. Те, кто пишет воспоминания, интервьюируют сами себя что, по моему мнению, меньшее из зол.

РАННИЕ ГОДЫ.

Я родился в Лондоне 25 сентября 1829 года в доме 38 по Шарлот стрит, Портленд Плэйс (Charlotte Street, Portland Place). (Отдельные, но исторически связанные улицы в центральных районах Лондона. Прим. Переводчика). Со времени написания данной книги Шарлот стрит была переименована в Хэллом стрит (Hallam Street). В других моих работах я уже сообщал довольно подробные сведения о моём отце Габриэле Россетти, поэте, борце за конституцию Неаполя и политическом беженце в Англии, о его браке с Фрэнсис Мэри Лавинией (Frances Mary Lavinia), младшей дочерью Гаэтано Полидори (Gaetano Polidori).

Не останавливаюсь на подробностях, допуская, что всё это уже известно читателю.

Я стал третьим из четырёх родившихся в семье детей. Мария Франческа (Maria Francesca) родилась в феврале 1827 года, Габриэль Чарльз Данте (Gabriel Charles Dante) или Данте Габриэль в мае 1882 года и Кристина Джорджина (Christina Georgina) в декабре 1830-го. Все мы родились в одном и том же доме. Кроватью, на которой мы появились на свет, мой брат пользовался почти до самой смерти в 1882 году. После его кончины, кровать и всю обстановку дома продали. Мне не удалось сохранить её как семейную реликвию и кто сейчас владеет ею, если она ещё существует, мне не известно.

В раннем моём детстве нашу семью нельзя было назвать откровенно бедной, но средства семьи были крайне ограничены. Отец зарабатывал на жизнь, преподавая итальянский язык, а его обширная литературная работа едва ли приносила какой-либо доход. В большинстве случаев он не мог себе позволить расходы, связанные с изданием книг и полностью зависел от подписки и щедрости друзей. Те редкие годы, когда ему случалось заработать 300 фунтов, можно считать очень удачными. По моему мнению, доход семьи в то время варьировался от 220 до 280 фунтов в год. Как профессор итальянского языка в Лондонском Королевском колледже (King's College, London) он получал плату настолько незначительную, что она не стоит упоминания.

Выше я упомянул о щедрости друзей. Одним из них был distinguished Джон Хукэм Фрээр (Right Honourable John Hookham Frere) живший на Мальте. Мой отец общался с ним там со времени бегства из Неаполя и до того как обосновался в Лондоне. Другой - мистер Чарльз Лайел из Киннорди в графстве Форваршир (Mr. Charles Lyell, of Kinnordy in Forfarshire) был автором написанной октавами поэмы «Монахи и великаны» и переводчиком Аристофана. Этот высокодуховный человек, безгранично щедрый обладал к тому же значительными средствами. Во время пребывания в Лондоне он щедро поддерживал отца, без всякой просьбы с его стороны и время от времени присылал чеки на 50 или 100 фунтов. Я полагаю вероятным, что Фрээр, убеждая Россетти переехать с Мальты в Лондон, обещал следить за его успехами и обещался не покинуть в трудную минуту. Однако он, казалось, не был настолько озабочен финансированием изданий литературных трудов Россетти как мистер Лайел. Возможно, причиной этого было то, что он не питал особенного интереса к темам работ Россетти, в круг которых входили систематическая интерпретация книг Данте и многих других авторов средневековых и не только. Первым, поселившись в Лондоне, Россетти издал «Ад» Данте с аналитическими комментариями. (Dante's Inferno with a Comento Analitico (Analytic Comment)). Книга вышла в 1826 – 27 годах. Мистер Лайел в данном случае выступал в роли обычного подписчика. В дальнейшем он потратил несколько сот фунтов на издания «Дух антипапства, приведший к Реформации». (Spirito Antipapale che produsse la Riforma (Antipapal Spirit which led to the Reformation)) и «Тайна платонической любви в средние века, как следствие античных мистерий». (Mistero delVAmor Platonko del Medio Evo derivato dai Misteri Antichi (Mystery of the Platonic Love of the Middle Ages derived from the Antique Mysteries)). Две эти работы, составившие в целом восемь томов, были напечатаны в 1832 и 1840 годах. Причём первая книга стала единственной, опуб-

ликованной в Англии. Мистер Лайел (отец знаменитого геолога Сэра Чарльза Лайела) был горячим поклонником Данте и в 1835 году даже перевёл на английский язык несколько его лирических стихотворений. Потратив небольшое состояние на книги Россетти, он удовлетворил как свои собственные пристрастия, так и интерес итальянских критиков. Это ни в малой мере не умаляет его щедрости. Его энтузиазм в дальнейшем проявился в десятках и сотнях писем, которыми он обменивался с Россетти, обсуждая литературные вопросы. В последние годы жизни, умер Лайел в 1849 году, он до некоторой степени отступил от системы интерпретации Россетти. Лайела смущала крайность взглядов Россетти и он не желал предстать в глазах критиков их соавтором. Шарлот стрит, наиболее редко посещаемая улица в окрестностях Портленд Плэйс, у дома 38 заканчивается тупиком. В моё время улица была весьма нереспектабельна и грязна, я думаю, такой и остаётся по нынешнее время. Время от времени более приличная часть обитателей улицы пыталась изгнать нарушителей приличий, однако их усилия успеха не имели и последние оставались и вели себя по-прежнему. Я помню парикмахерскую, недалеко от нашего дома, владелец которой считал себя по меньшей мере местным Фигаро или Лепарелло,. Витрины его заведения украшали довольно неприличные цветные картинки. О доме 38 я помню немного. Дом имел довольно скромный фасад да и места внутри было немного. К концу 1835 года, когда мне исполнилось шесть лет, разросшемуся семейству пришлось переехать в более просторный дом 50 по той же улице. Годовая рента составляла 60 фунтов. Тут мы прожили до начала 1851 года. Мой дед по матери Гаэтано Полидори как и мой отец преподавал итальянский язык и был писателем, но политическим беженцем не являлся. Он арендовал пару комнат на углу Wells Street и Oxford Street. Гостиную в его доме со столом покрытым зелёной скатертью и лампу с японским абажуром я помню лучше, чем обстановку дома 38 на Шарлотт Стрит. Там мне запомнились лишь занавески в гардеробной, скрывавшие, как мне казалось, нечто таинственное. Семья моего деда: жена, сын и дочь не жили вместе с ним в Лондоне. Они поселились в ничем не примечательном сельском доме в Холмер Грин что недалеко от деревни Грейт-Миссенден в графстве Бэкингемшире (Holmer Green, near Great Missenden, Buckinghamshire). Полидори часто посещал коттедж, а приблизительно в то же время, когда мы переехали из дома 38 в 50 прекратил преподавать, оставил Лондон и постоянно жил в Холмер Грин. Так продолжалось до 1839 года, когда вся семья Полидори вернулась в Лондон и обосновалась в доме 15 (сейчас 30) по Парк Виллидж (Park Village East, Regent's Park). Почти все дома на этой улице были снесены, но 30 сохранился.

Мои воспоминания о Холмер Грин.

В коттедже в деревушке Холмер Грин я бывал нечасто, возможно, раза три в раннем детстве, каждый раз оставаясь там на три - четыре недели. Это стало моим единственным опытом сельской жизни, так как мой отец и, следовательно, мать никогда не выезжали на отдых к морю или куда-либо ещё. Помню, как меня сажал на пони местный медик Мистер Талент, опыт верховой езды не часто повторявшийся впоследствии при моем сидячем образе жизни. Я чем-то ему полюбился и, будучи бездетным в браке, он хотел меня усыновить, но мои родители идею не поддержали. В Холмер Грин было много всего интересного: поросята и свинарник, большой добродушный спаниель Дельта. На пауков, уховёрток и слизней в саду я смотрел с отвращением, хотя воспитывали меня без глупых предрассудков в отношении безобидных, хотя и неприглядных животных, а вот осы, летавшие в гостиной, пугали меня до дрожи. С Габриэлем мы были вместе в Холмер Грин лишь пару раз. Нашим главным совместным развлечением были вылазки к пруду, имевшемуся на маленьком участке деда. Там мы устраивали засады на лягушек, ловили их и затем отпускали.

Прогуливаясь невдалеке от дома, я знакомился с окрестностями и сельской природой. Эра железных дорог ещё не наступила и мы обычно выезжали в почтовой карете, посещая таким образом Аксбридж, Уилком, Эмэшэм (Uxbridge, Wycombe, Amersham) и другие места. Последний раз я жил в Холмер Грин в 1839 или 1838 году. Вновь я посетил это место только

в 1898 году, когда (в компании с Маккензи Белом (Mr. Mackenzie Bell), биографом Кристины Россетти и любезно сопровождавшим нас местным священником мистером Фолиотом (Mr. Ffolliott) я разыскал старый дом и осознал, что он расположен в очень приятной сельской местности.

Полидори и его семья жили в Холмер Грин достаточно скромно, но вполне комфортно. Он не имел претензий на звание «сельского джентльмена» и не часто общался с соседями. Семья, кроме самого Полидори, которому в 1836 году было 72 года, состояла из его жены (в девичестве Анна Мария Пирс) постоянно находившейся в постели из-за болезни, его сына Филиппа Роберта, который был слабоумным и странным, хотя не считался имбицилом или умалишённым, и который так и не смог овладеть какой-либо профессией и младшей дочери Элизы Харриет, которая ухаживала за матерью и вела всё домашнее хозяйство. Это была храбрая и добросовестная женщина, не очень начитанная, хотя во множестве поглощала книги, которые её развлекали. Обладая сильным характером, она не отличалась стоворчивостью и дружелюбием, но была весёлой и отличалась необычными привычками в поведении и общении. Ей пришлось пережить всех братьев и сестёр, она скончалась в 1893 году в возрасте восьмидесяти трёх лет. Полидори имел склонность к сельским занятиям и через некоторое время купил земельный участок в деревне Стоуни Гроув недалеко от Холмер Грин и время от времени обрабатывал его. С одинаковым рвением Полидори занимался и литературой и ремёслами. Он мог утром переводить Мильтона, а днём украшать стол мозаикой из кусочков дерева. Одна из комнат коттеджа была превращена в столярную мастерскую. Мне был равно знаком запах клея и пороха, так как, оторвавшись от работы, мой дед мог заметить лесного голубя или другую годную в пищу птицу, тогда он прицеливался прямо из окна, следовал громовой выстрел и, так как он был неплохим стрелком, птица частенько появлялась на столе на следующий день. На дичь он не охотился, не имел лицензии, а браконьером не был. Иногда парутройку наиболее вкусных голубей он посылал нам в Лондон. Полидори был крепок физически и имел сильный характер, презирал любые слабости и пустые претензии, включая изыски в быту. Он был крайне привязан к дочерям и ещё более к внукам. Кристина очень его любила. Мне кажется, что она даже более тепло относилась к деду, чем к отцу. В то время нас внуков было четверо, позднее появилась пятая внучка – дочь сына Полидори Генри Франсиса. Он был адвокатом, или скорее наёмным клерком адвоката и предпочёл англизировать свою фамилию как Polidore. Предполагалось, что это послужит приманкой для клиентов, но они так и не появились. Теперь я должен обратиться к воспоминаниям о нашем новом лондонском доме (50 по Шарлотт Стрит). Как и 38 он был небольшим, но позволял разместиться всем шести членам нашей семьи. В нём были две комнаты на первом этаже, две на втором (не часто использовавшиеся в повседневной жизни) и пять или шесть спален на третьем и четвёртом этажах. В подвале располагалась кухня. Имелся небольшой задний двор, но ничего похожего на сад. Напротив дома был трактир, довольно тихое место, полностью лишённое ярких вывесок, характерных для кабаков. Рядом с трактиром можно было постоянно видеть 2-3 наёмных экипажа, возможно, это была «станция», но я полагаю, что трактир просто служил привлекательным местом стоянки. Кэб, как таковой, тогда ещё не существовал. Даже термин «кэб» ещё не прижился, моя мать чаще называла его «кабриолет».

Наёмный экипаж той поры был неуклюжим и совершенно лишённым всякого лоска, пол повозки был голый или скудно покрытый мокрой и заплесневелой соломой. Экипаж громыхал и подскакивал на дороге мошёной плохо обработанным камнем или щебёнкой. В годы моего детства деревянные мостовые и, тем более, асфальтовые были неизвестны. Омнибусы уже появились, хотя название ещё не было сокращено до «бас». Мы – дети иногда ездили на омнибусах, а другие виды общественного транспорта были нашей семье не по карману. Время от времени я видел охранника, а «новая полиция» на моей памяти существовала всегда. В те годы они носили шляпы, а не шлемы. Ежедневные газеты за пенни или полпенни появились

намного позже того времени о котором я говорю. Тогдашние ежедневные газеты были для нас слишком дороги, и мы довольствовались еженедельными. *Bells Weekly Messenger* строго следовал политике Тори, обильно приправленной евангелизмом, соблюдением субботы и тому подобным. Комнатой, которой постоянно пользовалась вся семья, была гостиная или столовая. Здесь моя мать и четверо детей дожидались, когда отец вернётся с ежедневных уроков со своими книгами и рукописью. Иногда он использовал гостиную для литературных занятий. Естественно, моя мать нанимала няню для маленького ребёнка или детей, но я не помню ни одной из них и даже само время, когда нас отправляли в детскую. Когда необходимость в няне отпадала, мы обходились одним слугой. Моя семья была «едина и неразделима»: отец, мать, четверо детей. Часто по вечерам к нам заглядывали два три итальянца из числа старых знакомых. Такой порядок семейной жизни без сомнения служил для нашего воспитания и развития, хотя для многих родителей было бы трудно его придерживаться, и он доставлял неудобства нашим гостям. С нашим отцом и другими итальянцами мы всегда говорили на итальянском языке и таким образом усвоили его с раннего детства. С матерью мы общались на английском. Мой отец говорил по-английски достаточно хорошо, но только когда хотел, чего он никогда не делал дома (*en famille*). Полидори, находясь в Англии с 1790 года, владел языком в совершенстве, но, всё же, говорил с небольшим акцентом. Кроме передней гостиной (мы не называли её столовой) я наиболее часто находился во второй гостиной, позднее в маленькой комнате на четвёртом этаже, сначала служившей отцу гардеробной (я частенько видел, как он брился здесь), а, в конце концов, отданной в распоряжение Габриэля. В ней он занимался и отдыхал, иногда и я составлял ему компанию. Но об этом после, так как это не относится к моему раннему детству. Ясно припоминаю следующее: в «задней» гостиной рядом с единственным окном был прикреплён умывальник с тазом, краном и пробкой. Он был покрыт прочным «фартуком», в откинутом состоянии я использовал его как сиденье, в котором удобно размещался, хотя и с подогнутыми коленями. Здесь я частенько сидел, читая книгу, а рядом крутила своё колесо ручная белка. Прочитав страницу другую, я отрывался от книги и наблюдал беготню белки, размышляя, доставляет ли ей это удовольствие или он просто ничего не может с собой поделывать.

Одной из книг, которые я прочитал тогда, был «Айвенго» Скотта и книга, естественно, стала моей любимой, среди многих прочитанных. Я стал читать через несколько месяцев после того, как мы переехали в новый дом, что произошло на Рождество 1835 года. В это время я ещё не мог читать бегло и, так как любовные наставления мой матери не смогли меня научить этому искусству, пришлось мой тётке Маргарет Полидори прибегнуть к принуждению. Будучи старой девой средних лет, она была крайне нервна, но и строга одновременно. К середине 1836 года я был полностью подготовлен и с тех пор являюсь ненасытным читателем. Но даже до этого времени я уже знал содержимое нескольких книг либо пытаюсь читать самостоятельно, либо прислушиваясь к тому, что взрослые читали вслух. Будучи взрослым, я значительно превзошёл в начитанности Габриэля и ещё более Кристину. А вот Марию обогнать было затруднительно, в свои пять лет она свободно читала книги на английском и итальянском языках. Габриэль научился читать достаточно быстро, а Кристина также как и я. Наша семья в доме 50 по Шарлот Стрит вела простую жизнь. Я попытаюсь припомнить, как это происходило в 1836 – 1837 годах. Моя мать обладала устоявшимися привычками и любила откладывать дела на потом. Она вставала в семь утра и эта привычка сохранилась у неё до восьмидесятых годов. Мой отец, также вставал рано, как это принято у большинства итальянцев. Вскоре после завтрака он отправлялся на частные уроки, плата составляла пол гинеи в час. Большую часть пути он проходил пешком и часто возвращался домой только поздно вечером. По возвращении он принимался за свои рукописи и чтение. Обед у нас был в четыре и отец часто на нём не присутствовал. Блюда были простые и питательные, но из продуктов высокого качества, так как моя мать считала, что настоящая экономия состоит в том, чтобы обращаться к доброкачественным торговцам, а

не искать дешевизны у плохих. Привычки в еде у моего отца были более вегетарианскими, чем у большинства англичан и иногда ему готовили особые итальянские блюда. По вечерам заходили итальянские гости и велись оживлённые дискуссии, главным образом на политические и патриотические темы, иногда литературные. Нас никто не прогонял, и мы постоянно присутствовали при этих беседах. Итальянских гостей обычно было трое или четверо, а вот англичане появлялись очень редко. Моя мать крайне редко наносила визиты и принимала гостей утром. Но, всё же, иногда это случалось. В основном это касалось Киприани Поттера (Mr. Cipriani Potter) главы Королевской Академии Музыки. Этот джентльмен особенно уважал Россетти и даже стал одним из моих крестных отцов. Он прожил долгую жизнь и скончался в 1871 году. Его жена, весьма одарённый пианист, демонстрировала поведение леди из общества, к чему мы были не привычны, наблюдая знакомых. Как и в нашей семье у них было четверо детей, две девочки и два мальчика, они и по возрасту не сильно от нас отличались. С этими детьми и детьми синьора Роведино (Rovedino) мы общались, хотя и не очень часто. Это был весь круг общения с детьми в наши ранние годы. Припоминаю ещё, Guglielmo Sangiovanni весьма болезненного сына итальянца и американки. Мой отец первые годы в Англии активно вращался в обществе и, среди других, члены семьи Бонапарта (Bonaparte) охотно его принимали. Кое-что из этого я припоминаю, но в моё время, ни мой отец, ни, особенно, моя мать никакие социальные развлечения: обеды, литературные или музыкальные вечера и тому подобное не посещали. Даже дома их развлечения ограничивались чтением книг, которые можно было отнести к художественной литературе. Детей они всё же развлекали: мать играла с нами в карты, а отец научил играть в шахматы, но это случилось позже. Хотя полностью поглощённая домашними обязанностями моя мать, как и сёстры, не включала в них приготовление пищи, макияж и наряды. Не то, что бы они были «выше этого», просто это им было не свойственно. Так и жили мои родители, полностью погружённые в домашние дела или литературные проблемы, постоянно принимая итальянцев, заглядывающих неформальным образом поболтать, поспорить. Часто эти беседы прерывались чтением стихов моего отца на патриотические и другие самые разнообразные темы. Итальянские гости были выходцами из самых различных слоёв общества, одни были высокообразованными, другие совсем не образованы. Что касается политических взглядов, те кто имели какие-либо вообще, то это были ультра либералы и даже революционеры. Я мог бы подробно охарактеризовать Sangiovanni, Pepoli, Filippo Pistrucci, Ferrari, Janer (or Janer-Nardini), но я уже делал это в других заметках и здесь повторять не буду. Среди них встречались самые разнообразные натуры: старомодные, странные и таинственные, живописные и возвышенные, «не от мира сего» и самые обыкновенные. Больше других я любил Санджованни (Sangiovanni) и Пиструччи (Pistrucci), а Джейнера (Janer), который испытывал ко мне заметную привязанность, немного менее. В этом окружении мои родители вели тихую и однообразную жизнь. В семье царили тёплые отношения, без ссор но и без особого веселья, без серьёзных устремлений и усердных стараний, без демонстраций и даже желания сделать что-либо напоказ. Социальные амбиции ограничивались исполнением долга и проявлением способностей в назначенной сфере. «Age quod agis» – «Делай то, что делаешь», был любимый принцип отца и он всегда его придерживался. В нашем доме было немного украшений и предметов искусства. Приблизительно в 1837 году Габриэле Смарджасси (Gabriele Smargiassi) живописец из итальянского города Васто, известный в своей области, провёл в несколько дней в доме своего земляком и старого друга Россетти. Он оставил моей матери две небольших картины маслом, на одном полотне был изображён приморский город Васто, на другом Голубая пещера на острове Капри. Я не могу точно вспомнить, была ли до этого в доме какая-либо картина в раме.

(Не удержался, вставил картинки, в книге подобных иллюстраций нет. Переводчик)

Вид города Васто 1831 год. Gabriele Smargiassi

Вскоре после этого моя двоюродная тетюшка Харриет Пирс (Harriet Pierce) подарила нам крайне популярную в то время гравюру в рамке «королева Виктория в оперной ложе».

Затем, возможно это было в 1839 году, один из итальянских друзей презентовал отцу картину значительного размера «Свадебный пир Тобиаса» (The Marriage-feast of Tobias.) которую считал произведением Пауля Веронезе, но на сведущий взгляд, ошибался, картина принадлежала итаилизированной фламандской школе и была написана около 1560 года. Этот сравнительно неплохой образец живописной манеры данной школы висит в моём кабинете, когда я пишу эти строки. Сохранились у меня и обе работы Смарджасси. Два или три года спустя Полидори подарил моим родителям свой портрет работы Джозефа Райта ов Дерби (Wright of Derby). Как он стал владельцем этой вещи мне неизвестно, возможно, получил его от бывшего соседа по дому и старого друга Джовани Амедео Деагости (Signor Giovanni Amedeo Deagostini). Деагости также был учителем итальянского языка и среди своих учеников имел принцессу Шарлотту, наследницу Британской короны. Когда начала формироваться Национальная Портретная Галерея я передал портрет туда, там он находится и сейчас и пользуется популярностью. Я думаю, что только эти пять картин украшали стены нашего дома ко времени нашего переезда из 50 по Шарлот стрит в начале 1851 года. Ещё одним декоративным объектом, к которому и дети и взрослые относились с удивлением и восхищением была китайская шкатулка-визитница. Она появилась у нас в 1841 или 42 году. Всю её поверхность покрывала тонкая резьба, изображавшая строения, фигуры и прочее. Боюсь, что это был подарок моей двоюродной тёти, которая любила мою мать и была щедра на мелкие презенты. Сейчас она принадлежит моей дочери Хелен. Среди подарков полученных от двоюродной тёти было несколько книг. Эта опрятная и аккуратная старая дама имела привычку разрезать книги своей неверной рукой самым вар-

варским способом. На полках моей библиотеки сохранилось несколько изуродованных тётей томов.

Когда я изредка смотрю на «Свадебный пир Тобиаса», то вспоминаю незначительное происшествие, застрявшее в памяти, в то время как забылось многое несравненно более важное. Вскоре после того, как полотно появилась в нашем, доме один из итальянских гостей высказал мнение, что действие пажа на картине изображено неправильно. Паж на картине наливал вино из кувшина в чашу и, исходя из их расположения, итальянец заключил, что струя вина не может достичь чаши. Этот недостаток он назвал анахронизмом. После того, как итальянец ушёл, мой отец отметил в моём присутствии неправильное употребление термина. Никогда ранее я не слышал слово «анахронизм» но с этого момента стал понимать, что оно может и чего не может значить.

И в семье Россетти и в семье Полидори никто не стремился к элегантности в одежде и следованию моде, за исключением Шарлотты Полидори, которая работая гувернанткой в знатных семьях, вынуждена была подражать их привычкам. Мой отец был особенно небрежен в этом вопросе, а Маргарет Полидори и Элиза ещё в 1861 году носили шляпки похожие на совок для угля и вышедшие из моды уже в 1841 году. Одежда моей матери и сестёр, хотя и не такая странная, от головы до ног была очень проста и, также совершенно вышедшая из моды. Эдмунд Гос (Mr. Edmund Gosse) в заметках о Кристине, уделил внимание данному вопросу. Конечно, женщины нашей семьи ни в коем случае неряхами не были. Габриэль и я в детстве были равнодушны к вопросам моды, правда, нашим мнением не особенно интересовались.

Глава 2 Мои родители, сёстры и брат.

Я постарался подробно рассказать о моём отце в двух книгах, обозначенных под номерами 5 и 13 в предисловии. Вследствие этого здесь я не буду пытаться предоставить его полный портрет. Приведу лишь мои детские впечатления. В возрасте пятидесяти трёх лет в 1836 году это был довольно полный человек немного ниже среднего роста с поредевшими, но не тронутыми сединой зачёсанными на лоб волосами. С нами - пострелятами он был очень добродушен. Не помню ни единого случая, чтобы он вышел из себя или серьёзно гневался на нас.

Отец обладал живым характером и горячим темпераментом, легко возбуждался, но отличался миролюбием. Он усердно работал, но старался легко относиться к жизненным ситуациям. Очень любил приносить домой сладости и раздавать детям, что не устраивало нашу мать, называвшую их «отбросами».

Частенько он усаживал меня или одного из нас на колени и, хлопая нашими ладошками, повторял очень чётко, но с небольшим итальянским акцентом детский стишок:

Pat t cake, pat a cake* baker's man ;

So I do, master, as fast as I can.

Пеки, пеки пекарь пирожок,

Пеку, пеку так быстро, как могу.

Он прекрасно читал стихи, что очевидно составляло важный, хотя и не преднамеренный элемент нашего образования, однако, формально не принимал участия в обучении, полностью предоставив это нашей матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.